

Голос города

Category: Goşgular, Kitarsy
написано kitarsy | 26 января, 2025
Голос города ГОЛОС ГОРОДА

Терцины

Когда я ночью, утомлен, иду
Пустынной улицей, и стены сонны,
И фонари не говорят в бреду,

И призраки ко мне не благосклонны, –
В тиши холодной слышится порой
Мне голос города, зов непреклонный:

«Ты, озабочен, здесь спешишь. Другой –
На ложе ласк, в смешном порыве, выгнут,
В притоне третий, скорчен за игрой.

Но жив – лишь я и, вами не постигнут,
Смотрю, как царь, в безмолвие ночей.
Ты думаешь, что вами я воздвигнут?

Нет! люди – атомы в крови моей;
И, тела моего живые клетки,
Дома – тяну я в глубину полей.

Как птицам лес дарит весной ветки,
Свое богатство отдаю вам я,
Но раньше им владели ваши предки.

Не равны мы на скале бытия:
Вам жить – года, а мне – ряды столетий!
Шумя, теснится городов семья.

Когда ж и я свершу свой подвиг, дети,
Не вам я завещаю пышный прах,
Все, что хранят ревниво зданья эти.

Есть братья у меня в иных краях:
Мои богатства, как из недр могильных,
Пусть вырвут, и замкнут в своих стенах,
И над людьми смеются смехом сильных!»

3 января 1907 г.

• Триумфатор

Мое чело в последний раз
Венчал сегодня лавр победный,
На колеснице заповедной,
Ловя лучи на панцирь медный,
Вступил я в Рим в веселый час.

Народ в восторге выл; друзья
Моей завидовали доле;
За мной влеклись цари в неволе;
По Via Sacra, в Капитолий,
Для пышных жертв проехал я.

Но вот, когда, венец кляня,
Я подступил к телице белой –
Нож задрожал в руке умелой,
Как тайный знак, что отлетела
Богиня Нике от меня.

Мой взор на миг покрылся тьмой,
И был мне внятен голос бога:
«Венец и пурпурная тога
Довлеет смертным. Слишком много
Кто волит, – против вызов мой!»

Что ж, подниму ль ярмо судьбы?
Нет! от копья лица не скрою!
Трубите, трубы, снова к бою!
И пусть в парфянском стане мною,
Как пленным, тешатся рабы!

3 января 1908 г.

• **С губами, сладко улыбающимися**

(Рифмы 5 и 4-сложные)

С губами, сладко улыбающимися,
Она глядит глазами суженными,
И черны пряди вокруг чела;
Нить розоватыми жемчужинами
С кораллами перемежающимися
Ей шею нежно облегла.

Она как будто не догадывается,
Движеньем легким грудь показывая,
Как странно-мутны взоры всех.
И лишь ее накидка газовая
В причудливые складки складывается,
Дрожа под затаенный смех.

Она встает, и зыбко свешиваются
Алмазы, искрами утроенные,
Горящих в локонах серег;
Порывы, у тигриц усвоенные,
С газельей медленностью смешиваются
При каждом шаге легких ног.

И меж изгибов, жадно впитываемых
Глазами, жалко не ответственными,
Безумцев, ведающих страсть,
Нет, что не дышат снами девственными!
То над толпой рабов испытываемых
Владычица являет власть!

3 января 1916 г.

• **При свете луны**

Как всплывает алый щит над морем,
Издавна знакомый лунный щит, —

Юность жизни, с радостью и горем
Давних лет, над памятью стоит.

Море – змеи светов гибких жалят
И, сплетясь, уходят вглубь, на дно.
Память снова нежат и печалят
Дни и сны, изжитые давно.

Сколько ликов манят зноем ласки,
Сколько сцен, томящих вздохом грудь!
Словно взор склонен к страницам сказки,
И мечта с Синдбадом держит путь.

Жжет еще огонь былой отравы.
Мучит стыд неосторожных слов...
Улыбаюсь детской жажде славы,
Клеветам забытых мной врагов...

Но не жаль всех пережитых бредней,
Дерзких дум и губительных страстей:
Все мечты приемлю до последней, –
Каждый стон и стих, как мать – детей.

Лучший жребий взял я в мире этом:
Тайн искать в познании и любви,
Быть мечтателем и быть поэтом,
Признавать один завет: «Живи!»

И, начнись все вновь, я вновь прошел бы
Те ж дороги, жизнь – за мигом миг:
Верил бы улыбкам, бросив колбы,
Рвался б из объятий к пыли книг!

Шел бы к мукам вновь, большим и малым,
Чтоб всегда лишь дрожью дорожить,
Чтоб стоять, как здесь я жду, – усталым,
Но готовым вновь – страдать и жить!

3 января 1918 г. Goşgular